

ИНОСТРАННЫЕ ВЫХОДЦЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ: У НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

FOREIGN NATIONALS IN YEKATERINBURG: AT THE DAWN OF THE CITY'S SOCIAL ORGANISATION**

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The intensive development of metallurgy in the Urals in the 1720s is closely associated with the construction of Yekaterinburg, which became not only the largest and most diversified metallurgical plant city in Russia, but also the administrative centre of the mining industry in the east of the empire. The construction of the city under the leadership of an outstanding specialist and personal representative of Peter the Great, Georg Wilhelm de Gennin (Wilim Ivanovich Gennin), took into account the latest Western trends in industrial and fortification architecture. This affected the spatial planning and functional zoning of this mining city. It also had an important impact on its social organisation. A striking feature of Yekaterinburg was the high concentration of immigrants from European countries. Foreign nationals worked in the local administration and held a majority among the officers who commanded army units during the construction of the plant city. Also, the first doctors, the founders of the medical service in the Urals, were non-Russian. However, most specialists dealt with metallurgy and mining. Yekaterinburg became both their place of residence and a staging post on their

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция». Приношу искреннюю благодарность А. В. Черноухову и С. И. Цеменковой за консультации при подготовке статьи.

** *Citation:* Redin, D. (2020). Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553.

Цитирование: Redin D. Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553 / Редин Д. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553.

way to other factories and mines in the region. The contribution of these people to the formation and development of the industry in the region can hardly be overestimated. Nevertheless, there is still no special comprehensive study of this population category in early Yekaterinburg. This article is an attempt to consider the history of foreign immigrants as a social whole in Yekaterinburg society during the first decade of its existence. The author identifies their features and the factors that promoted and hindered intra-community integration, concluding that by the end of the first decade of Yekaterinburg's life, it had failed to form an influential and relatively homogeneous colony of foreign nationals: their number had noticeably decreased compared to the 1720s. The formation of a full-fledged community was hampered by marked differences in the legal status of foreigners and a lack of corporate privileges. Other factors were a minimised sphere of private life (which made it impossible for them to create stable internal organisation) and internal professional competition. However, the most important thing was high geographic mobility, which gave rise to quantitative and qualitative instability in the community.

Keywords: Yekaterinburg, General Gennin, Germans, Swedes, factory and mining specialists, confessional unity, linguistic community, legal status, ethnocultural identity.

Интенсивное развитие металлургии на Урале в 1720-е гг. тесно связано со строительством Екатеринбургa, ставшего не только крупнейшим многопрофильным металлургическим заводом России, но и административным центром отраслевого управления горнозаводской промышленности востока империи. Строительство города под руководством выдающегося специалиста и личного представителя Петра I Георга Вильгельма де Геннина (Вилима Ивановича Геннина) шло с учетом новейших западных тенденций промышленной и фортификационной архитектуры. Это сказалось в пространственно-планировочном решении и функциональном зонировании территории города, а также наложило явственный отпечаток на его социальную организацию. Яркой отличительной особенностью Екатеринбургa стала высокая концентрация в нем выходцев из зарубежных европейских стран. Иностранцы занимали должности в местной администрации, составляли большинство среди офицеров, командовавших армейскими подразделениями на строительстве города-завода, первые врачи – основатели медицинской службы на Урале тоже были иностранцами. Но основную массу составляли специалисты металлургического и горнорудного профилей. Екатеринбург стал и местом их проживания, и перевалочным пунктом по пути на другие заводы и рудники края. Вклад этих людей в становление и развитие отрасли в крае трудно переоценить. Тем не менее, специального комплексного исследования этой категории населения раннего Екатеринбургa пока нет. В статье предпринимается опыт рассмотрения истории иностранных выходцев как социального целого в городском социуме первого десятилетия его существования. Вычленяются их идентифицирующие признаки, факторы, способствовавшие и препятствовавшие внутриобщинной интеграции. Автор приходит к выводу, что к концу первого десятилетия жизни Екатеринбургa в нем так и не сложилась влиятельная, обособленная и относительно гомо-

генная колония иностранцев, а их численность заметно снизилась по сравнению с 1720-ми гг. Формированию полноценной общины препятствовали заметные различия в юридических статусах иностранцев и отсутствие корпоративных привилегий; минимизированная сфера частной жизни (а значит, невозможность создания устойчивой внутренней организации); внутренняя профессиональная конкуренция. Но самое главное – высокая географическая мобильность, порождавшая количественную и качественную нестабильность сообщества.

Ключевые слова: Екатеринбург, генерал Геннин, немцы, шведы, заводские и горные мастера, конфессиональное единство, языковая общность, юридический статус, этнокультурная идентичность.

Екатеринбург замышлялся и строился как город нового типа. Тот факт, что официальный городской статус был присвоен ему лишь в 1781 г., не мешал современникам изначально считать его городом¹. Н. С. Корепанов, автор ярких и глубоко документированных монографий о раннем Екатеринбурге, убедительно показал, что поселение на Исети обладало практически полным набором городских признаков уже в первые годы своего существования [Корепанов, 2001, с. 231–232]. Единственным сущностным обстоятельством, несколько «портящим» картину, являлось отсутствие здесь посадской общины и, соответственно, органов городского самоуправления до 1735 г. Но, во-первых, в таком же положении находился на первых порах и самый известный новый город России Санкт-Петербург, основным населением которого «были военные и строители; дворян, купцов и ремесленников жило здесь очень мало» [Базарова, с. 4], что не мешает признавать его городом. Во-вторых, некие зачатки посадской общины в Екатеринбурге возникли почти сразу после окончания строительства крепости и завода: ее составили торговцы, снабжавшие население продуктами, и вольные ремесленники. Они селились за крепостной стеной, в первую очередь в Купецкой слободе, а с 1727 г. избирали из своей среды заводского купчину – «штатного главного снабженца всех заводов Екатеринбургского ведомства» [Корепанов, 2001, с. 48], чью должность можно считать провозвестницей системы посадского самоуправления.

Фундаментальной особенностью Екатеринбурга, исходно придававшей ему отмеченную новизну, было то, что он формировался на базе крупного горно-металлургического комплекса, включавшего в себя все существовавшие тогда виды производств данной отрасли. Это обстоятельство стало и его исходной градостроительной основой [Лотарева, с. 19], и фактором, определившим социальный облик.

¹ «Город – любое поселение людей, существование которых зависит от продуктов сельского хозяйства, ведущегося за его пределами» – этого гениального в своей простоте определения Вернера Зомбарта вполне достаточно, чтобы не тратить время на дискуссии о реальном статусе Екатеринбурга до 1781 г. [цит. по: Ле Гофф, с. 44].

Поиск термина, наиболее точно отражавшего статусные характеристики этого нового феномена, привел В. Н. Татищева через 12 лет после основания Екатеринбурга к понятию «горный город» [Заводской устав Татищева, с. 184]; в позднейшей литературе стало бытовать еще одно определение: «город-завод».

Екатеринбург – «регулярный» город. Это понятие означало больше, чем просто строгую, симметрично упорядоченную, организованную по предписанному плану застройку, хотя, наверное, в силу мощи визуального воздействия именно она в первую очередь на обыденном уровне ассоциируется с регулярностью. Городская крепость бастионного («звездчатого») типа, одна из немногих в России тех лет и едва ли не уникальная для ее азиатской части четырехчастное членение внутреннего городского пространства, заданное прямоугольным пересечением воображаемой оси заводского пруда и гребня плотины; производственные, административные и жилые постройки, организованные в «порядки» и «линии» по типовым образцам и прочие известные вещи явственно демонстрировали свое отличие от традиционных русских городов. Впрочем, не только русских. Идея центральной композиционной оси, организующей городское пространство, ставшая результатом актуализации древнеримской градостроительной эстетики и практики западноевропейскими архитекторами раннего Нового времени, воплощалась лишь в крупнейших столичных городах Запада.

Архитектурно-планировочное своеобразие не исчерпывало понятие регулярности, присущей концепции Екатеринбурга. Подобно жестко структурированной и регламентированной застройке формировалась социальная структура города. Его социальная организация в первое десятилетие существования явилась результатом волевого целенаправленного действия создателей. Она не складывалась постепенно, в результате эволюции хозяйственной деятельности и внутренних общественных коммуникаций его обитателей. Заданная социальная структура определяла рационально устроенную и иерархизированную социальную топографию. Концепт «естественных зон», которым оперируют последователи Чикагской школы урбанистики, это не про Екатеринбург, точнее, не про изначальный Екатеринбург. «Изменения рода занятий, личный успех или фиаско – короче говоря, изменения экономического и социального статуса – обычно выражаются в изменениях местоположения» [Парк, с. 14] – нет, местоположение социальных групп, сконструированных административными и производственными потребностями, было закреплено в рамке крепостной стены Екатеринбурга таким же административным предписанием. Его социальное пространство, почти буквально по Анри Лефевру, продукт, повторяющееся пространство, повторяемый результат повторяющихся жестов [Лефевр, с. 86–87].

Можно было бы долго рассуждать о том, что Екатеринбург в том виде, в каком он был создан, явился живым воплощением камера-

листной утопии, столь популярной в описываемое время и к концу 1710-х гг. прочно усвоенной главным строителем новой России Петром I, сделавшим ее осознанной вербализованной программой государственного развития. Но утопия (если под таковой в данном случае понимать лишь концепции и метафоры камерализма) не имела бы шансов на реализацию, не будь она востребована и подкреплена практической целесообразностью. Задуманный как крупный многопрофильный металлургический комбинат, не имевший аналогов в Европе, Екатеринбург по самой своей сути должен был жить, подчиняясь потребностям успешного функционирования производства непрерывного цикла – иначе в его строительстве не было никакого смысла. А правильно организованное производство требовало правильно организованного общества, ибо все общественные группы, составлявшие город, совокупно обеспечивали действие заводского организма. Мастерские и рабочие люди трудились в цехах и на рудниках; вместе с приписными крестьянами – элементом, связанным, но не включенным в городской социум, – доставляли необходимые для производства материалы; канцелярские служители и администраторы всех рангов поддерживали бесперебойный режим управления; солдаты и офицеры строили все городские объекты, охраняли крепость и вместе с администрацией выполняли роль «благотельной полиции», поддерживая установленный порядок, производственную дисциплину, общественную безопасность и надзор за благоустройством.

Сообразно возложенным функциям происходило их расселение внутри крепостной стены, определялась топография социального пространства. Жилища мастеровых – максимально близко от цехов; канцеляристов и администраторов – рядом с местами службы в Сибирском обер-бергамте и его конторах; солдат и нижних чинов – вблизи от крепостных стен: «дворы салдацкие», «дворы подьяческие», «дворы мастерские», «дворы командирские», сгруппированные в «порядки», формировали иерархию городских кварталов. Их обитатели не имели права тратить время на пустые хождения; их путь от жилища до места службы должен был быть кратчайшим. Мишелю де Серто, уподоблявшему акт ходьбы городских пешеходов высказыванию, а самих пешеходов – авторам городского «текста», «который они пишут, не будучи в состоянии... прочитать» [Серто, с. 187], пришлось бы столкнуться с почти бабелевской лапидарностью и напряженностью екатеринбургского «текста» 1720-х – начала 1730-х гг.

В этой регламентированной социальности, административно предзаданной реальности, «расхищающей повседневность» [Бедаш, с. 222], важное место занимали иностранные выходцы, чье количество за первое десятилетие жизни Екатеринбурга оценочно составляло свыше 60, если не 70 человек – число очень внушительное и редкое для русской провинции того времени, особенно столь отдаленной от западных границ империи. Информация о них обшир-

на, но рассредоточена и неравноценна по содержанию; на основании сведений из источников и литературы мне удалось выявить 62 имени иностранцев (без женщин и детей), прошедших через Екатеринбург или так или иначе связанных с ним в 1723–1734 гг.,² – наверное, этот список близок к полноте, хотя, разумеется, едва ли может быть признан исчерпывающим и уж тем более удовлетворительным по своему информационному качеству – некоторые лица известны пока лишь по факту существования. Не все из них (хотя, по-видимому, большинство) сколько-нибудь времени жили в Екатеринбурге: кое-кто попадал на другие уральские заводы, минуя отраслевую «столицу» (наиболее заметно количество таковых на Пермских заводах). И не все эти шесть десятков находились в Екатеринбурге одновременно на протяжении всего обозначенного периода. Некоторые находились здесь почти все десятилетие и дольше, кто-то остался лежать навеки на немецком кладбище за Исетскими воротами, иные вернулись на родину или продолжили службу в других частях России после двух-трех лет пребывания в городе, а иные бывали лишь наездами. Вероятно, самая значительная их концентрация может быть зафиксирована во время строительства Екатеринбурга и в ближайшие годы после его завершения – десятка два, возможно, три (без членов семей) – и это тоже очень оценочно. Но даже два-три десятка одновременно проживавших иностранца для города, насчитывавшего от 500 (без семей, в 1725 г.) до почти 750 (без семей, в 1727 г.) человек [Корепанов, 2001, с. 33–34] – цифра заметная, особенно если учесть их статус и роль. Комплексное исследование обстоятельств их проживания с перспективой полноценной историко-антропологической реконструкции в контексте социальной истории раннего Екатеринбурга в целом представляется необходимым обобщением, структурирующим сведения, имеющиеся в литературе и дополненные вновь выявленными сюжетами.

* * *

Среди иностранных выходцев, попавших в Екатеринбург, можно выделить несколько групп по роду занятий. Во-первых, это администраторы, занимавшие высокие посты в ведомственной горнозаводской иерархии. Первым в этом ряду был Георг Вильгельм (Вилим Иванович) Геннин, создатель Екатеринбурга, каким мы знаем его первые десять лет. Личный порученец царя, главный командир Пермских и Сибирских заводов, человек богатого управленческого опыта и превосходный знаток горно-металлургической промышленности, он был в те годы единственным в Сибирской губернии обладателем генеральского звания и полномочий губернаторского уровня. К кате-

² В специальной литературе в хронологическом диапазоне 1720–1734 гг. таковых насчитывается 49 человек [Курлаев, Корепанов, Побережников, с. 189–191].

гории крупных региональных администраторов из иноземцев можно отнести берг-рата Иоганна Мартина Михаэлиса, с 1721 по 1727 г. занимавшего различные руководящие должности (член Вышнего горного начальства / Сибирского обер-бергамта, начальник Пермского бергамта), чей горный чин соответствовал рангу армейского полковника; бергмейстера (капитана-поручика, с 1731 г. – капитана по армейской аналогии) Иоганна Фридриха (Ивана Федоровича) Близера (Блюэра), члена Вышнего горного начальства и временного главу Сибирского обер-бергамта в 1724–1725 гг.; капитана Ёрана (Юрия Ивановича) Берглина, главу Кунгурской горной канцелярии, а позже – заводского комиссара Ягошихинского завода; бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха, члена Сибирского обер-бергамта.

Отдельную группу составляли офицеры, командовавшие подразделениями, отправленными из Тобольска на строительство Екатеринбурга³. В 1723–1724 гг. их было шестеро: майор Иоганн Брикгаузен, капитаны Ян Кралевич (Иван Королевич) и Михаил Цей, поручик Петр Шеберг, прапорщики Карл Брандт и Мартин Мейер⁴; все они входили, наряду с двумя русскими офицерами, в существовавший тогда в городе военный суд – кригс-рехт во главе с майором Брикгаузеном [Корепанов, 2006, с. 53]. Правда, все они по окончании основного цикла строительных работ вернулись в Тобольск. В городе надолго задержался лишь Карл (Карп Петрович) Брандт, произведенный в поручики и ставший командиром Екатеринбургской солдатской роты, а позже – начальником местного гарнизона [Корепанов, 2001, с. 31, 33, 45]. Видимо, во второй половине – в конце 1720-х гг. командиром городской артиллерии становится еще один иноземец, прапорщик Василий Алберг [Корепанов, 2001, с. 51].

³ Полковая принадлежность этих подразделений окончательно не прояснена. Н. С. Корепанов считает, что они входили в Тобольский гарнизонный (бывший Санкт-Петербургский) полк [Корепанов, 2001, с. 19]. По мнению Д. А. Лобанова – в Тобольский гарнизонный и Санкт-Петербургский Сибирского гарнизона (таким образом, историк разделяет эти полки и считает их существовавшими одновременно) [Лобанов, с. 422]. А. В. Дмитриев, автор специального монографического исследования по истории регулярной армии в Сибири, начинает свое повествование с 1725 г., но отмечает, что к моменту смерти Петра I (январь 1725 г.) из всех воинских частей регулярной армии «к востоку от Урала... была дислоцирована только одна – Сибирский гарнизонный драгунский полк». Что касается остальных полков с «сибирскими» названиями (Тобольский солдатский, Тобольский гарнизонный солдатский, Сибирский солдатский, Тобольский драгунский, Сибирский драгунский...), то они «собственно к Сибири не имели отношения, поскольку формировались и дислоцировались в Европейской части страны» [Дмитриев, с. 85–86]. Тем самым А. В. Дмитриев подвергает сомнению утверждение М. Д. Рабиновича, считавшего, что Тобольский гарнизонный солдатский полк был сформирован уже в 1720 г. и нес гарнизонную службу в Сибири [Рабинович, с. 72; Дмитриев, с. 88].

⁴ Д. А. Лобанов, ссылаясь на архивный документ, называет среди офицеров, прибывших в Екатеринбург с первыми ротами из Тобольска в 1723 г., еще одного – прапорщика Ивана Утлина, командира 4-й роты 1-го батальона [Лобанов, с. 422]. Вероятно, нет основания не доверять этой информации, но имя этого прапорщика мне больше нигде не попадалось. Если считать с ним, то на строительстве Екатеринбурга находились семь офицеров иностранного происхождения.

Малочисленную, но очень специфическую группу иностранцев представляли медики, дипломированные специалисты. Всего за изучаемый период их было трое, но только один из них, штаб-лекарь Иоганн Иосиф Спринцель, связал с Екатеринбургом свою жизнь, приехав на Урал с генералом Генниным в 1722 г.; он скончался и был похоронен здесь же в 1736 г. С его именем связаны создание первого госпиталя на Урале и начало частной врачебной практики; оба явления были чрезвычайно редки в России тех лет за пределами столиц⁵. Его коллеги, лекари Иоганн Репкен (Рыбкин), основавший первый госпиталь и аптеку на Пыскорских заводах, и Иоганн Христиан Гриненберг (Кринберг, Крининберг), организатор первого госпиталя на Ягошихинских заводах, в Екатеринбурге прожили не столь долго. Первый, судя по всему, лишь по приезду на Урал в 1728 г. (почти сразу он уехал на Пыскорские заводы, а по окончании контракта в 1730 г. – в Москву [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–2; Д. 278. Л. 163; Копырина, Черноухов]), а второй – с 1732 по 1734 г. и в февралемарте 1735 г. В дальнейшем он переселился на Ягошиху и служил там до самой смерти [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–11 об.; Д. 568. Л. 290–300; Д. 1071. Л. 108].

В 1734 г., почти накануне передачи дел В. И. Генниным В. И. Татищеву, в Екатеринбург прибыл лютеранский пастор Фридрих Вейзе [Корепанов, 2001, с. 51].

Но подавляющее количество приходилось на специалистов металлургического и горнорудного профиля: медеплавильных, молотовых, меховых⁶, шпикарных⁷, пробирных, жестяных и проволочных дел мастеров, штейгеров⁸ и бергауров⁹, единично – плотинных и доменных мастеров, которых на Урале хватало и из собственных кадров. Внутри этого круга существовало собственное ранжирование, в зависимости от занимаемых должностей, от низших, вроде бергауров и шихтмейстеров, до высших – старших мастеров и обер-штейгеров.

Все иностранцы представляли собой элитную страту местного общества, что выражалось и в их расселении в Екатеринбурге. Они жили в «командирских дворах» – районе к северу от плотины, на правой, западной стороне заводского пруда [Там же, с. 54]. Грохот заводских механизмов доносился сюда не столь нестерпимо, людской сутолоки и скученности застройки, свойственной южной, деловой части города, было меньше, широкая водная гладь пруда

⁵ Новейшее исследование по истории становления медицинской службы на Урале с биографическими сведениями о первых медиках см.: [Копырина, Черноухов].

⁶ Мастер по изготовлению мехов для доменных печей, медеплавильных и кузнечных горнов.

⁷ Мастер по изготовлению скобяных изделий.

⁸ Горный, или рудничный мастер.

⁹ Рудоразборщик, горный специалист, занятый собственно добычей и первичной обработкой руд.

являла приятную картину; в этой же части располагался и дом главного командира Пермских и Сибирских заводов – казенное жилье генерала Геннина.

Можно ли говорить о том, что иностранные выходцы в Екатеринбурге первого десятилетия представляли из себя колонию, некую общину, отличавшуюся внутренней сплоченностью, характерным набором системных признаков *аут-группы* (иногруппы)? Вопрос этот представляется не таким риторическим, как может показаться на первый взгляд. Для ответа на него следует понять, обладали ли екатеринбургские иноземцы устойчивыми и общими для всех них статусными характеристиками, позволявшими им позиционировать себя по отношению к другим группам населения города.

Первой и очень важной из таких характеристик была этноязыковая общность. Общность языка в иноязычном окружении – мощный стимул к внутригрупповой консолидации. Самой многочисленной субгруппой иноземного сообщества являлись немцы, второй – шведы, единично, с большим отрывом от первых двух – поляки, один голландец и один финн. Немцы были выходцами из нескольких германских княжеств и земель. Среди них безусловно преобладали саксонцы, составлявшие ядро в категории горнозаводских специалистов, но были и выходцы из бывших немецко-балтийских (остзейских) провинций Швеции (майор Брикгаузен, капитан Цей), уроженцы Ганновера (меховые мастера братья Фридрих и Иоганн Кейзеры), Бранденбурга-Пруссии (пробирный мастер Вильгельм Штифт, лекарь Иоганн Генрих Репкен) и Зигена-Нассау (генерал В. И. Геннин)¹⁰. В вольном городе Гамбурге был закантрактован в конце 1722 г. И. Г. Гейденрейх, но являлся ли Гамбург его родным городом – неизвестно. Шведское происхождение установлено у прапорщика Алберга, капитана Берглина, прапорщика Брандта, камнерезного мастера Христиана Рефа. Возможно предположить, что шведом был молотовой мастер Лоренц Пожаров (Николаев)¹¹. Поляков в Екатеринбурге тех лет представляли доменный подмастерье Максим Орловский (из шляхтичей) и капитан Кралевич. Источники фиксируют голландца, шпикар-

¹⁰ Распространенное представление о голландском происхождении В. И. Геннина, восходящее к ошибочному утверждению Якоба Штелина, убедительно опровергнуто в новейшем исследовании Д. О. Серова [Серов]. Неоднократные упоминания самого Геннина о его приверженности к «голландской вере» указывают не на этническую, а на конфессиональную принадлежность к кальвинизму.

¹¹ Н. С. Корепанов предположительно считал Л. Пожарова итальянцем или англичанином [Корепанов, 2001, с. 52; Корепанов, 2006, с. 13]. Но в аутентичных документах имеется собственное показание родного племянника Пожарова Ивана, в котором он сообщает, что «родом он швед» и вывезен был из Швеции «в малых летах» своим отцом (то есть братом Пожарова) Алексеем Фареевым, законтрактовавшимся на Олонецкие заводы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 250–251]. Являлись ли Л. Пожаров и его ближайшие кровные родственники Фареевы этническими шведами, принявшими при каких-то обстоятельствах православие, или русскими подданными шведской короны (байорами или земцами), неизвестно.

ного мастера Куперца Берента, и финна, принявшего православие, молотового мастера Михаила Андреева.

В подавляющем большинстве екатеринбургские иноземцы были немецкоязычными, но за единичными исключениями так или иначе владели русским языком. Редко кто из них не имел за плечами нескольких, а часто и многих лет службы в России, кроме того, по роду деятельности им постоянно надо было общаться с русскими солдатами, мастеровыми и работными людьми. Не знать русского языка могли позволить себе только высокопоставленные иностранцы, имевшие возможность оплачивать переводчика. К таковым относились берг-рат Михаэлис и бергмейстер Гейденрейх; при последнем постоянно находился личный переводчик Эрнст Грубе [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 118–130, 131–153; Д. 73. Л. 637].

Важное значение в конкретных условиях имела исходная территориально-политическая принадлежность иностранцев. Например, категория «шведы» имела свое не только этническое, но и политическое наполнение: подданные шведской короны. В этом смысле сюда входили и каролины, воевавшие в годы Великой Северной войны против русских войск, и просто жители иноэтничных шведских провинций (Финляндии, Карелии, Ингерманландии, Остзее, Померании, Бремена и т. д.). В таком случае «шведами» станут лифляндские немцы Брикгаузен и Цей, поляк Кралевиц, молотовой мастер Иоганн Дейхман (Дейман), определенный Н. С. Корепановым как этнический швед, но чье имя звучит подозрительно по-немецки, и, возможно, финн Андреев. Все каролины (и этнические шведы, и иноэтничные офицеры армии Карла XII) оказались на Урале через плен и ссылку. Что больше связывало этих людей: этничность (шведский язык) или общность судьбы – участь пленников, а позже однопольчан на русской службе? Кто был ближе, например, майору Брикгаузену: пруссак Вильгельм Штифт или поляк Кралевиц, бывший шведский офицер, а ныне сотоварищ по тобольской и екатеринбургской полковой службе?

Значимым идентификационным признаком и одновременно фактором формирования идентичности являлись семейные узы. Родство и свойство, брачные союзы, заключенные в «своей» среде на чужбине, могли скреплять внутреннее единство иностранных выходцев прочнее, чем иные обстоятельства. Но об этом мы пока знаем очень мало. Известно, что некоторые иностранцы приезжали в Екатеринбург с семьями и родней: с племянником Иваном прибыл на строительство завода на Исети Л. Пожаров [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 250–252]; с сыном Иоганном и братом стальным мастером Питером, поселился на Урале Иоганн Дейхман, отвечавший за строительство стальной фабрики на новом заводе [Корепанов, 2001, с. 24]; семейной группой жили и трудились меховые мастера братья Фридрих и Иоганн Кейзеры и штейгеры братья Иоганн Фридрих и Иоганн Христофор Вейдели [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–6 об.]; с женами рискнули отправиться

в далекий край генерал Геннин, штейгер Иоганн Шель¹², штейгер Даниэль Дрибель, штаб-лекарь Спринцель [Корепанов, 2005, с. 44], штейгер Абрахам Корс [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 900–903]; майор Вильгельм Шульц, недолго, около года с конца декабря 1731 по вторую половину октября 1732 г. руководивший Сибирским обер-бергамтом, приехал с женой и четырьмя детьми [Там же. Д. 376. Л. 190, 321].

Роднились уральские немцы и между собой. Известно, например, что медеплавильный мастер Иоганн Готлиб Улих, большая часть службы которого прошла на пермских Пыскорских заводах, был женат на одной из дочерей молотового мастера Андрея Каса [Корепанов, 2001, с. 55]. А старший молотовой мастер Иоахим Рамфельт состоял в браке с сестрой молотового Дейхмана, что не помешало ему в 1724 г. вступить в незаконную связь с другой дочерью мастера Каса. Чтобы замять скандал, девушку пришлось отправить на Алапаевские заводы и там выдать замуж за какого-то саксонского контрактера [Там же, с. 54]. Наверняка семейных иноземцев, которые привезли домочадцев с собой или обзавелись родственными узами с соотечественниками уже на Урале и, в частности, в Екатеринбурге, было больше. Такого рода связи, несомненно, имели большое значение для поддержания устойчивых коммуникаций внутри иностранной колонии, для сохранения и укрепления этнокультурной идентичности. И в этом процессе огромную роль играли женщины, которые, в отличие от их мужей, почти круглосуточно занятых на заводских и горных работах, могли быть теми акторами, которые сберегали языковые и культурные традиции, воспитывали детей и придавали сообществу иностранных жителей Екатеринбурга единство, делавшее их общиной в полном смысле этого слова. Но мы пока почти ничего не знаем об этой стороне жизни иноземцев в первое десятилетие истории Екатеринбурга, что связано как со спецификой источниковой базы, так и с тем, что гендерные аспекты их жизни не были в фокусе исследовательских интересов.

Безусловно интегрирующим обстоятельством для иностранных выходцев в Екатеринбурге являлась конфессиональная однородность. За единичными исключениями все они были лютеране¹³. Попытку обзавестись лютеранским пастором еще в 1722 г. предпри-

¹² О том, что Шель был женат, свидетельствует случай, характеризующий «лучшие» черты бюрократического отношения к людям. В 1733 г. В. И. Геннин отправил мастера в Архангельск для участия в работе одного из отрядов Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. В задачу Шеля входило обследование берегов Северного Ледовитого океана на предмет наличия там полезных ископаемых. Стоило Шелю уехать, как заводская канцелярия прекратила выдачу дров, обусловленных контрактом мастера, его жене, поскольку контракт был заключен не с ней, а с Шелем! Понадобилось личное вмешательство Геннина, чтобы женщина не скончалась от холода в суровые уральские зимы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 474. Л. 12–15 об.].

¹³ Достоверно известно, что В. И. Геннин исповедовал кальвинизм; возможно предположить, что кальвинистом был голландец К. Берент, а капитан Я. Кралевич – католиком. Может быть, католиком являлся и молотовой мастер Максим Орловский, хотя он мог принадлежать и к православному исповеданию (как исходно, так и в результате перехода).

нимал по инициативе И. М. Михаэлиса В. Н. Татищев. Но только в 1734 г. В. И. Геннин сумел организовать приезд из Санкт-Петербурга пастора Фридриха Вейзе, как он пояснял, «для собственного дому моего и прочих здешних и пермских чужестранных горных и заводских служителей, дабы они при пасторе более охоту имели в таких дальних местах от кирхи в здешних службах быть» [Корепанов, 2001, с. 51]. Таким образом, Ф. Вейзе в идеале должен был окормлять целый округ, своеобразный диоцез, не ограничиваясь только горнозаводским центром. Сведений о наличии протестантской церкви в Екатеринбурге первого десятилетия его существования (в отличие от отдельного кладбища) не выявлено. Вероятно, собрания лютеран происходили у кого-то на дому. Учитывая, что протестантское учение не признает мистического содержания таинств (за исключением крещения и причастия), а путем к спасению считает лишь личную искреннюю веру и добрые дела [Религиоведение, с. 595–596; Алексеев, Елисеев, с. 483–484], в принципе, можно предположить, что молитвенное общение могло происходить в Екатеринбурге под руководством кого-либо из наиболее уважаемых и начитанных единоверцев. Наверное, по необходимости таковые крестили рожденных здесь детей и причащали, хотя, как видно из приведенной выше цитаты, такое положение не считалось нормальным. Эта сторона жизни иностранцев еще нуждается в специальном изучении.

Важным фактором, разновекторно влиявшим на формирование этнокультурной идентичности иностранных выходцев Екатеринбурга, был их юридический статус. В этом отношении они не представляли гомогенного сообщества. Часть из них являлись российскими подданными. Путь к этому состоянию был для них разным. Все офицеры иностранного происхождения, побывавшие в Екатеринбурге, в прошлом сражались под знаменами Карла XII, а, попав в плен (главным образом после Полтавского сражения), перешли на службу в русскую армию. Прежде чем оказаться на Урале, все они по 6–8 лет отслужили в сибирских гарнизонных частях. Через плен приняли новое подданство и те, кто занимали в горнозаводском ведомстве различные гражданские должности: Ё. Берглин и, видимо, мастер М. Андреев. Сыном «старовыезжего» иноземца и российским подданным был уроженец московской Немецкой слободы Иоахим Рамфельт [Корепанов, 2001, с. 54]. Строго говоря, в соответствии с Регламентом об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. [ПСЗ-1, т. 6, № 3937], он уже и не считался иноземцем, но, судя по имени, сохранял приверженность своей конфессиональной принадлежности, видимо, не утратил родного языка и среди екатеринбургских соплеменников считался за своего, коль скоро один из них выдал за него свою дочь. В российском подданстве пребывали генерал В. И. Геннин, берг-рат И. М. Михаэлис и майор Вильгельм Шульц, служивший ранее в Сенате и скоропостижно скончавшийся в 1732 г., не успев пробыть и года в должности руководителя Сибир-

ского обер-бергамта [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 190]. Вероятно, российским подданным с какого-то времени стал Иоганн Готлиб Улих. На это указывает то, что после отставки он занялся частным предпринимательством, став горнозаводчиком в компании с купцами Вяземскими, В. Дряхлым и П. Каркиным¹⁴.

Принятие подданства открывало для иностранцев возможности карьерного роста, права приобретения недвижимости, занятий частными промыслами, ремеслами, торговлей и проч. Вместе с тем, этот статус таил и определенные риски, в частности, полное распространение на бывшего иноземца норм российского законодательства, включая применение телесных наказаний за различные правонарушения, от чего иностранец-контрактёр был освобожден. Показателен в этом смысле пример упоминавшегося И. Рамфельта, дважды, в 1732 и 1734 гг., осужденного к наказанию плетью, подвергнувшегося розыску в Тайной канцелярии и сосланного в Якутский (Тамгинский) завод¹⁵. Для контраста можно привести эпизод по делу заводского надзирателя Михаила (Михаэля) фон Траумберха, обвиненного в «блудном житии» с некой «девкой Авдотьей». Уличенный первый раз, Траумберх объявил о намерении жениться, но не получил разрешения екатеринбургского протопопа. Авдотью выдали замуж за одного из солдат, но их связь на том не прервалась. Уличенные вторично, они были наказаны: приговором Обер-бергамта было предписано «показанной женке Овдотье за прелюбодеяние... учинить наказание батожем, да сверх того быть ей скованной в работе заводской без денежной платы месяц», а у ее любовника вычли месячное жалованье «на богадельню» [Там же. Д. 562. Л. 469–478].

Собственно, штрафы в виде вычетов из жалованья являлись едва ли не единственным наказанием для иностранцев, не находившихся в российском подданстве. Последних в Екатеринбурге и на других уральских заводах было подавляющее большинство. Редко кто из них не имел опыта работы по контракту до прибытия на Урал. Многие начинали свою службу еще в первые годы XVIII в. и, продолжая контракты, до конца жизни оставались в России. Контракт давал им свои определенные преимущества: оговоренное жалованье, увеличения которого можно было добиться при заключении нового

¹⁴ Улих вместе с вышеперечисленными компаньонами стал в 1732 г. совладельцем медеплавильных Анзубского (бывшего И. В. Тряпицына) и Шурминского заводов, вложив в дело 500 руб. Стараниями опытного мастера на этих убыточных предприятиях удалось удвоить производство меди. Но, будучи обманутым компаньонами, он снова поступил на казенную службу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 395. Л. 468–472, 491, 520–522].

¹⁵ Первый раз Рамфельту удалось избежать наказания благодаря снисходительности Геннина, отменившего приговор Сибирского обер-бергамта ради прежних заслуг и преклонных лет обвиненного. Вина мастера заключалась в выковке бракованного железа [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 341. Л. 120–126 об.]. В чем заключалась его провинность в 1733 г., неизвестно. Дело разбиралось в Тайной канцелярии и находилось вне компетенции региональных горных властей [Там же. Д. 498. Л. 13–17; Корепанов, 2001, с. 54–55].

договора¹⁶, обеспечение казенным жильем, дровами, иногда (в зависимости от ранга) – денщиками. Контрактеры могли рассчитывать на помощь своим семьям в случае смерти (известны случаи, когда родных и домочадцев покойных снабжали транспортом, средствами и охраной для проезда из Екатеринбурга в Москву); как писалось выше, они были освобождены от телесных наказаний. Но в России первой трети XVIII в. контракт как форма установления юридических отношений еще был далек от совершенства и не гарантировал в полной мере социально-правового статуса иностранцев. С одной стороны, контракты содержали много недоговоренностей и противоречивых норм, позволявших властям произвольно толковать их содержание, с другой, само отношение к контракту у заключивших его сторон было разным ввиду различий правовой культуры России и Запада, что часто приводило к спорам и конфликтам¹⁷. Наиболее болезненно для иностранцев было то, что власти считали в порядке вещей гонять контрагера по всей стране, предписывая «служить на том месте, где нужда будет». Опасность в этом смысле представляла, например, размытая формулировка о принятии иноземца «на казенные заводы», дававшая потом основание отправлять его «на разные заводы от Олонецких до Нерчинских» [Ермакова, 2017, с. 180]. Наиболее прозорливые иностранцы старались точно указать в договоре, насколько они готовы к казенным «путешествиям» по обширной и суровой Российской империи. Такую дальновидность проявил лекарь И. Х. Гриненберг. Познав своеобразие российской географии и климата в результате трех лет пребывания в Екатеринбурге, при заключении нового контракта в 1734 г. он поднял вопрос об увеличении жалованья и оговорил условие не отсылать его в Якутск, Томск, Красноярск и Нерчинск [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–14].

Принято считать, что уроженцы зарубежных европейских государств приезжали на службу в Россию, привлекаемые возможностью значительно улучшить свое материальное положение и сделать быструю карьеру. Указанные соображения перевешивали все возможные риски и неудобства, которым подвергали себя контрактеры в инокультурной иноконфессиональной стране, столь не похожей на их родные края и имевшей устойчивую негативную репутацию, созданную в сочинениях дипломатов и путешественников Запада¹⁸. Известно, что в петровское царствование офицеры-иностранцы и гражданские служащие, особенно в центральном аппарате, получали оклады, кратно превышавшие те, которые полагались за аналогичные должности русским. Но это вовсе не означало, что *все* иностранцы имели шанс не-

¹⁶ Выплаты жалованья часто задерживали, от чего страдал даже В. И. Геннин.

¹⁷ Разноплановые исследования на этот счет принадлежат О. К. Ермаковой [Ермакова, 2015; Ермакова, 2017; Ермакова, 2018; Ермакова, Рукосуев].

¹⁸ Правда, остается проблематичным вопрос, насколько широко эти сочинения были известны среди рядовой публики.

сказанно обогатиться, стоило им лишь попасть на службу российской короне. Многие зависело от того, какого рода была эта служба, в каких условиях она проходила, в каких конкретных ситуациях оказывался контрактер. Да и представления о достатке у всех были разные. Иных связать свою судьбу с жутковатой Московией побуждала авантюрная жажда наживы, а иных на северо-восток гнала действительная нужда. Показателен случай жестокой ссоры двух (о, парадокс!) немцев – саксонца штейгера Иоганна Бретшнейдера и пруссака прапорщика Асафа Розе. Оскорбленный словесными выпадами штейгера, Розе обозвал его и его соплеменников *нищими саксонцами*, «понеже вы, оставя свое отечество и не имея тамо пропитания, идете сюда, где в вас нужды нет, и учится нечему, что вы знаете, и довольно уже вас умножилось» [цит. по: Корепанов, 2001, с. 173]¹⁹. Вполне вероятно, что такая уничижительная характеристика не была изобретением Розе и «вitalа в воздухе», и какая-то часть немецких специалистов действительно оказалась на Урале, ведомая стремлением найти хоть какой-то заработок, не имея такой возможности на родине.

Анализируя размеры денежных окладов уральских контрактеров изучаемого периода, можно отчетливо увидеть все нюансы положения и уровни материальных притязаний иностранных выходцев. Бросается в глаза значительная поляризация размеров их жалованья. Многократно упоминавшийся бергмейстер Гейденрейх условился служить за 500 руб. годового оклада с предоставлением казенной квартиры, дров и оплаты личному переводчику в 48 руб. в год [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 637]. Если ориентироваться на штаты 1715 г., установленные для служащих местного госаппарата, это было жалованье, сопоставимое по денежной ставке с окладом вице-губернаторов (кроме Санкт-Петербургского) – 600 руб. в год [ПСЗ-1, т. 5, № 2879]. При этом Гейденрейх, человек склочный и нелюбимый даже в среде соотечественников, остался недоволен своими заработками и по окончании контракта пытался истребовать у Берг-коллегии значительные суммы сверх оклада [Ермакова, 2015, с. 105–106]. В то же время капитан Берглин, равный по званию с Гейденрейхом и немногим уступавший ему по должности, безупречно отслужив в горной службе 14 лет, ушел в отставку со 180-рублевым окладом [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 395. Л. 512–513]. По штату Сибирского обер-бергамта 1723 г. лекарю при уральских заводах предполагалось платить 120 руб. в год; этот оклад был утвержден и Берг-колlegией в 1724 г. Но для иноземцев, занимавших лекарские вакансии, такие условия представлялись малопривлекательными. Так, например, лекарь И. Репкен запросил и получил еще 10 руб. годовых «за инструменты», а также квартиру, дрова, денщика и ученика [Там же. Д. 188. Л. 1–2]. Другому лекарю, И. Гриненбергу, оказалось мало и 144 руб. в год (именно такой размер жалованья был

¹⁹ Случай, хотя и относится к 1747 г., но представляется уместным в контексте статьи.

оговорен в его первом уральском контракте). По его словам, таким жалованьем он «едва питался», и при заключении нового контракта он добился увеличения оклада до 180 руб. годовых (ставка штаб-лекаря по утвержденному Берг-коллегией штату Сибирского обер-бергамта 1724 г.) с приставлением к своей особе денщика [Копырина, Черноухов]. Ветеран уральской медицинской службы штаб-лекарь И. Спринцель не только обладал самым большим денежным жалованьем (180 руб. по контракту 1725 г. и 219 руб. по контракту 1727 г.), но имел право вести частную практику и, кроме традиционного обеспечения жильем и дровами, получал фураж на трех лошадей [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 911–913].

Более высоко оплачивались заводские мастера, некоторые из которых получали высокие оклады, как, например, меховые мастера братья Кейзеры (по 208 руб. в год) [Там же. Д. 77. Л. 399–404]. Упомянутый гитенмейстер И. Г. Улих за почти десять лет уральской службы увеличил свой оклад со 156 до 248 руб. в год. У специалистов горного дела оклады, похоже, были скромнее. Начинали свою службу в Екатеринбурге в 1723 г. с окладами в 96 и 84 руб. в год штейгеры И. Ф. Вейдель и его младший брат Христофор; первый, заключив новый контракт, лишь после 1732 г. вышел на уровень оплаты в 144 руб. [Там же. Д. 161. Л. 3–6; Д. 395. Л. 90–91]. Позднее, в 1732 г., Фридрих Вейдель достиг пика карьеры, став обер-штейгером с окладом в 200 руб. А вот Абрахам Корс, получивший по контракту 1731 г. тот же обер-штейгерский чин, сумел добиться лишь 164 руб. годового жалованья, как и обер-штейгер Келлер [Там же. Д. 331. Л. 910–910 об.]. Значительно ниже (по должности) оплачивались бергауры. Иоганн Прюфцен (Павел Бривцын, на русский манер), с 1702 г. служивший на казенных заводах в Козельске, Калуге и на Олонце, а с 1720 г. – на Урале, в том числе и в Екатеринбурге, всю жизнь довольствовался 60-рублевым жалованьем, лишь за три года до своей смерти получив 12-рублевую надбавку. Он умер одиноким человеком в Екатеринбургском госпитале 2 января 1735 г. [Там же. Д. 530. Л. 22–24 об.].

Характеризуя отличительные черты уральских контрактеров, Н. С. Корепанов отметил, что они «несли с собой европейскую открытость, незашоренность и характерное для протестантов отношение к труду как к молитве» [Корепанов, 2001, с. 50]. В целом не оспаривая данную мысль (в той части, что большинство из специалистов того времени трудились добросовестно), не могу не заметить, что в ней слишком много от романтического обобщения. Конкретные судьбы и поступки уральских «немцев» показывают, что ничто человеческое не было им чуждо, а «европейская открытость» и «протестантское отношение к труду» есть скорее новейшие конструкты, нежели идентифицирующие признаки. Изматывающий ритм работы, практически не оставлявший времени для частной жизни, отсутствие даже намека на сколько-нибудь разнообразный досуг, суровый климат уравни-

вали жителей Екатеринбурга и окрестных заводов вне зависимости от происхождения. Например, среди иностранных выходцев совсем не редкостью было пьянство. Пожалуй, только генерал Геннин оставался принципиальным трезвенником, и последовательно, жестко, но, надо признать, со скромным результатом пытался искоренить этот порок во вверенном ему ведомстве. Особым пристрастием к выпивке отличались молотовые мастера Лоренц Пожаров и Иоахим Рамфельт, лудильный подмастерье Готфрид Янгенель (Гунгенель), но совершенно легендарным в этом смысле был стекольный и медеплавильный мастер Иоганн Христиан Инглин. Генерал Геннин нашел его на Сылве и нанял в 1724 г. «от стеклянного заводу от промышленника Белопащенкова». Уж что такое показал Инглин новому работодателю, не вполне ясно, но генерал настолько был впечатлен его познаниями в медеплавильном деле, что приказал «из казны сделать кафтан, камзол, штаны, сапоги, шапку» мастеру. Пораженный его квалификацией, В. И. Геннин писал с восторгом, что Инглин превосходит познаниями Михаэлиса и Штифта, и «за такой хороший секрет в чужих государствах не токмо что дается кафтан, но иное хорошее награждение жалованием и повышением чина» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 224–224 об.]. При этом жалованье, положенное чудо-мастеру, поражаало своей ничтожностью: 36 руб. в год!

Уникальное мастерство в сочетании со странной карьерой на маленьком частном заводике на Сылве и с убогим окладом, вероятно, объясняется тем, что Инглин был законченным алкоголиком. В 1731 г., подвизаясь на Лялинском заводе, он решил жениться на вдове своего покойного друга штейгера Дрибеля, к тому времени матери троих детей. Управитель завода Д. Одинцов пришел в ужас от такого намерения, жалея женщину, поскольку Инглин «нимало себя от пьянства не удержал... ежели (она. – Д. Р.) замуж выйдет, все нажитое с Дрибелем он размотает и детей ее приведет в убожество». Хотя вдова кормила непутевого мастера, он, будучи в запое, ее бил, и она в конце концов была отправлена с детьми на трех подводках в Москву за счет Обер-бергамта. «И после отъезду ее, – сообщал Одинцов, – ежели его кто не возьмет кормить, то ему разве по миру ходить» [Там же. Д. 331. Л. 665 об.]. В 1732 г. в развитие сенатского указа от 4 сентября о неудержании по истечении контрактов неискусных иноземцев, «чтоб жалование не получали по отговорам», Коммерц-коллегия (ведавшая тогда заводами), велела «отрешить от дел за пьянство» плавильного мастера Инглина. В. И. Геннин, тем не менее, дорожил мастером и отстоял его, написав в столицу, что «такого искусного и с немалым изживением из Германии достать трудно, а мне такие люди весьма надобны» [Там же. Д. 332. Л. 69–72 об.]. Спасая специалиста, он загнал его на Кольвано-Воскресенские заводы, приставив капрала «для смотрения над ним, чтоб трезво жил и не имел воли пьянствовать» [Там же. Д. 385. Л. 98 об. –99]. Разумеется, это

не помогло: Инглин умер в нищете в 1740 г. на Красноярских заводах [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 918. Л. 618–620].

Подобно своим русским собратьям по ремеслу, иностранцы заводили любовниц, пользовались возможностью прогулять работу (что было легче сделать на отдаленных рудниках), порой приворовывали казенные материалы для собственных нужд или для изготовления домашней утвари на продажу. Поэтому было бы некорректно изображать всех их носителями каких-то исключительных моральных или культурных качеств, резко отличавших их от местных жителей. Приехавшие из разных мест, желавшие индивидуально упрочить свои позиции, избежать штрафов, доказать уникальность своих профессиональных качеств, иностранные мастера нередко доносили друг на друга (как, впрочем, и на русских мастеров, плативших им тем же), соперничали между собой, что не способствовало упрочению связей внутри их сообщества²⁰. Все сказанное несколько не умаляет того весомого вклада, который они внесли в развитие горнозаводского производства на Урале, и в Екатеринбурге в частности. Откровенных проходимцев и лентяев среди них практически не было, а примеров проявленного ими высокого мастерства и изобретательности имеется в достатке.

Жестяных дел мастер Иоганн Ваплер, прибывший в 1722 г. с Олонекских заводов и руководивший постройкой жестяной фабрики на Исетском (Екатеринбургском) заводе вместе с И. Дейхманом, изготовил в 1725 г. оборудование для чеканки денежных медных плат на местном платном (денежном) дворе [Корепанов, 2001, с. 39, 51]. Братья Вейдели славились изобретением эффективных водоотливных машин по откачке грунтовых вод из шахт. По оценке Геннина, «сделанная машина выливает воды из шахт, а не людьми, весьма изрядна и полезна». Если для отлива воды вручную требовалось 40 человек, то на обслуживании машины были заняты 2–3 человека «для присмотра» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 5–6]. Таким же мастерством отличались соперничавшие в этом деле штейгеры Иоганн Келлер и Иоганн Шель [Там же. Д. 376. Л. 207–208]. Родоначальником разработки мраморных месторождений в окрестностях Екатеринбурга стал штейгер Иоганн Ланг [Там же. Д. 188. Л. 102–105]. Пятерых русских учеников подготовил в Екатеринбурге в 1726–1729 гг. камнерезный мастер Христиан Реф [Корепанов, 2001, с. 41], десятерых – А. Корс [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 900]. Старший из братьев Вейделей, Иоганн Фридрих, кроме горного дела, был искусен в изготовлении мехов. Он обучил горному делу не менее 20 русских учеников, хотя был жестоким учителем и часто бил учеников батогами и «ручным боем». Имеются факты жалоб на его побои со стороны рудничных рабочих, на что Вейдель оправдывался тем, что они получают побои за плохую

²⁰ К сожалению, ограниченный объем статьи не дает возможности привести разнообразные примеры всего перечисленного, которыми изобилуют документы.

работу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 220–227 об.]. Отличался высокой квалификацией неоднократно упоминавшийся Лоренц Пожаров; он был назначен Генниным «на всех здешних железных заводах над всеми молотовыми мастерами в ковке железа смотреть и всякую худобу поправлять и указывать». Но, склонный к пьянству, Пожаров, как и Вейдель, жестоко относился к работникам и ученикам, бил их «без правильной вины». Известен случай, когда побои Пожарова привели к тому, что один из его учеников, С. Разуев, повесился [Там же. Д. 195. Л. 183, 487]. Уникальным специалистом широкого профиля был Вильгельм Штифт, строитель первых медеплавильных печей в Екатеринбурге [Корепанов, 2001, с. 29]; при нем прошли практическую подготовку почти все школьники, прибывшие в Екатеринбург из обеих столиц: П. Зеленой, М. Кутузов, В. Горчаков, Я. Бекетов, А. Порошин, Д. Одинцов – цвет горнозаводского руководства 1730–1750-х гг. Совместно с И. Х. Инглином и Г. Деффелем Штифт организовал на Лялинском заводе производство купороса высокого качества и более дешевого, чем зарубежный [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 280. Л. 5, 16–17, 45, 47–48]. Таких примеров можно приводить много.

* * *

Можно ли считать совокупность иностранных жителей Екатеринбурга первых десяти лет его существования общиной? На мой взгляд, по имеющимся на сегодняшний день данным, с большими оговорками. Языковая и конфессиональная однородность, некоторые сведения, позволяющие говорить о наличии внутренних семейных связей, заметная топографическая обособленность проживания внутри города, несомненно, служат одновременно и общими идентифицирующими признаками, и интегрирующими факторами, свидетельствующими об определенном единстве иностранных выходцев, живших в те годы в Екатеринбурге. В то же время есть ряд причин, определявших его непрочность. Различия в юридическом статусе, значительные по длительности и интенсивности контакты с русским большинством (стимулирующие процессы обрусения), неустойчивость состава и колебания численности, связанные с частыми переселениями на другие заводы и рудники, отъездами по истечению контрактов, сведенная к минимуму сфера частной жизни (по крайней мере, у мужской части этой категории населения), незаметность признаков внутренней организации, отсутствие корпоративных привилегий и многие другие обстоятельства побуждают признать, что сообщество местных иностранцев если и составляло некое целое (иногруппу по отношению к большинству), то нестабильное и открытое²¹.

²¹ Это очень не похоже на колонии иностранных специалистов первой половины XIX в. на уральских заводах, представлявших «совершенно особую социальную группу» с собственными общественными организациями, своим судом и законодательно закрепленными корпоративными правами [Ермакова, 2013].

Спустя десять лет после основания Екатеринбурга, к 1734 г., когда генерал-лейтенант артиллерии В. И. Геннин сдавал должность вновь возвращенному на Урал действительному статскому советнику В. Н. Татищеву, иностранных уроженцев в нем оставалось мало и в абсолютном, и в относительном смысле. Согласно «Списку имянному о людях, обретающимся ведомства Сибирского обер-бергамта в Екатеринбургских... заводах...» 1734 г., на 998 душ м. п.²² приходилось только пять «иноземцев»: бухгалтер Счетного повытья Сибирского обер-бергамта Еремей Грие и известные по прежним службам штейгер в Припасной конторе Вейдель (кто из братьев – неизвестно), в молотовых фабриках «за гитенмейстера иноземец» Михаил Андреев да мастера Иван Дейман (Иоганн Дейхман) и «иноземец» Петр Михайлов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 178 об., 188, 190 об., 192–192 об.]. К ним следует добавить начальника гарнизона Карла Брандта, медиков И. И. Спринцеля и И. Х. Гриненберга да пастора Вейзе и, возможно, прапорщика В. Алберга. Вот, пожалуй, и все: максимум десять человек на почти тысячу душ м. п. населения, 1 % от общего числа. Несомненно, внося очень большой вклад в развитие комплексного горнозаводского производства, иностранные выходцы Екатеринбурга, скорее всего, так и не образовали в это время сильную влиятельную общину.

Список литературы

Алексеев С. В., Елисеев Г. А. Все религии мира : энцикл. справ. М. : Вече, 2007. 592 с.

Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга : Источниковедческое исследование. СПб. : Наука, 2003. 310 с.

Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2012. № 11 (126). С. 219–224.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33, 37, 73, 77, 96, 161, 188, 195, 278, 331, 332, 341, 376, 385, 395, 450, 474, 498, 530, 546, 562, 568, 918, 1071.

Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796) : Особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 528 с.

Ермакова О. К. Западноевропейские специалисты в составе уральской технической элиты: социокультурная адаптация (первая половина XIX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 107–118.

Ермакова О. К. И. Гейденрейх и его представления о правах иностранца в России (1722–1731 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 102–106.

Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания // Историческая русистика в XXI в. / гл. ред. Д. Свак. Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. С. 177–186.

Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59.

Ермакова О. К., Рукосуев Е. Ю. Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам Пол-

²² Посчитано по: [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.].

ного собрания законов Российской империи) // Вестн. гуманитар. образования. 2019. № 2 (14). С. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1831. Кн. 2. С. 174–197.

Копырина С. Н., Черноухов А. В. Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века // Вестн. гуманитар. образования. 2020. № 2 (18). С. 20–34. DOI 10.25730/VSU.2070.20.016.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 252 с.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2005. 273 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2011. 204 с.

Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2010. 224 с.

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

Лобанов Д. А. Тобольский командированный гарнизонный полк на строительстве Екатеринбургской крепости в 1723–1724 гг. // История военного дела: исследования и источники : электрон. журн. : [сайт]. 2016. Т. 8. С. 421–438. URL: <http://www.milhist.info/2016/09/14/lobanov> (дата обращения: 12.08.2020).

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Сократ, 2011. 288 с.

Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. с англ. В. Николаева // Социол. обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18. ПСЗ-1. Т. 5, 6.

Рабинович М. Д. Полки Петровской армии, 1698–1725 : крат. справ. М. : Сов. Россия, 1977. 112 с.

Религиоведение : энцикл. словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М. : Энцикл. проект, 2006. 1256 с.

Серов Д. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qt.2019.3.409.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугиной, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

References

Alekseev, S. V., Eliseev, G. A. (2007). *Vse religii mira. Entsiklopedicheskii spravochnik* [All the Religions of the World. An Encyclopedic Reference Book]. Moscow, Veche. 592 p.
Bazarova, T. A. (2003). *Plany petrovskogo Peterburga. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Plans for Peter's Petersburg. Source Study]. St Petersburg, Nauka. 310 p.

Bedash, Yu. A. (2012). Kontsepsiya sotsial'nogo prostranstva Anri Lefevra [The Concept of Social Space by Henri Lefebvre]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11 (126), pp. 219–224.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretienie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Making] / transl. by D. Kalugina, N. Movnina. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 330 p.

Dmitriev, A. V. (2017). *Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796). Osobennosti voennoi sluzhby na "vostochnoi okraine" Rossiiskoi imperii v XVIII stoletii* [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796). Features of Military Service on the "Eastern

Edge” of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 528 p.

Ermakova, O. K. (2013). Zapadnoevropeiskie spetsialisty v sostave ural'skoi tekhnicheskoi elity: sotsiokul'turnaya adaptatsiya (pervaya polovina XIX v.) [Western European Specialists as Part of the Ural Technical Elite: Socio-Cultural Adaptation (First Half of the 19th Century)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (117), pp. 107–118.

Ermakova, O. K. (2015). I. Geidenreich i ego predstavleniya o pravakh inostrantsa v Rossii (1722–1731 gg.) [I. Heidenreich and His Views on the Rights of a Foreigner in Russia (1722–1731)]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 102–106.

Ermakova, O. K. (2017). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: evolyutsiya formy i soderzhaniya [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries: Evolution of Form and Content]. In Szvák, G. (Ed.). *Istoricheskaya rusistika v XXI v.* Budapest, Russica Pannonicana, pp. 177–186.

Ermakova, O. K. (2018). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the Early 18th Century: The Origin of the Source and the Formation of a Variety of Acts]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4 (17), pp. 52–59.

Ermakova, O. K., Rukosuev, E. Yu. (2019). Inostrannye pereselentsy i spetsialisty v Rossii v XVIII veke: zakonodatel'noe regulirovanie prebyvaniya (po materialam Pol'nogo sobraniya zakonov Rossiiskoi imperii) [Foreign Migrants and Specialists in Russia in the 18th Century: Legislative Regulation of Stay (Based on the Materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire)]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. No. 2 (14), pp. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

GASO [State Archives of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 33, 37, 73, 77, 96, 161, 188, 195, 278, 331, 332, 341, 376, 385, 395, 450, 474, 498, 530, 546, 562, 568, 918, 1071.

Kopyrina, S. N., Chernoukhov, A. V. (2020). Stanovlenie meditsinskoi infrastruktury na kazennykh zavodakh Urala v pervoi treti XVIII veka [The Formation of Medical Infrastructure at State-Owned Factories of the Urals in the First Third of the 18th Century]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. No. 2, pp. 20–34. DOI 10.25730/VSU.2070.20.016.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)]. 3rd Ed., new and update. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Korepanov, N. S. (2005). *Pervyi vek Ekaterinburga* [The First Century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 273 p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale*. [Gennin in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Kurlaev, E. A., Korepanov, N. S., Poberezhnikov, I. V. (2011). *Tekhniko-tekhnologicheskie innovatsii v gorno-metallurgicheskoy proizvodstve Urala v XVII–XVIII vv.* [Technical and Technological Innovations in the Mining and Metallurgical Production of the Urals in the 17th–18th Centuries.]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 204 p.

Le Goff, J. (2010). *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoi antropologii* [The Middle Ages and Money: An Outline of Historical Anthropology] / transl. by M. Yu. Nekrasov. St Petersburg, Evraziya. 224 p.

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space] / transl. by I. Staf. Moscow, Strelka Press. 432 p.

Lobanov, D. A. (2016). Tobol'skii komandirovannyi garnizonnii polk na stroitel'stve Ekaterinburgskoi kreposti v 1723–1724 gg. [The Tobolsk Garrison Regiment in the Construction of the Yekaterinburg Fortress in 1723–1724]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Elektronnyi zhurnal* [website]. Vol. 8, pp. 421–438. URL: <http://www.milhist.info/2016/09/14/lobanov> (accessed: 12.08.2020).

Lotareva, R. M. (2011). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Sokrat. 288 p.

Park, R. E. (2006). Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyi poryadok [The Urban Community as a Spatial Pattern and Moral Order] / transl. by V. Nikolaev. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 5. No. 1, pp. 11–18.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5, 6.

Rabinovich, M. D. (1977). *Polki Petrovskoi armii, 1698–1725. Kratkii spravochnik* [Regiments of Peter's Army, 1698–1725. Brief Reference]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 112 p.

Serov, D. (2019). “Vecherom iz russkogo lagerya pribyl... maior”: pervye 34 goda zhizni Vilima Gennina [“In the Evening ... A Major Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of Wilim Gennin's Life]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 3, pp. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Zabiyako, A. P., Krasnikova, A. N., Elbakyan, E. S. (Eds.). (2006). *Religiovedenie. Entsiklopedicheskii slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Entsiklopedicheskii proekt. 1256 p.

Zavodskoi ustav Tatishcheva [Tatishchev's Factory Charter]. (1831). In *Gornyi zhurnal*. St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Book 2, pp. 174–197.

The article was submitted on 22.09.2020